Камила Левитан ✦ Анна Шилд

Развод с предателем.

Ты отправил меня в тюрьму, чтобы отдать мой миллиард любовнице!

Анна Шилд

Развод с предателем. Ты отправил меня в тюрьму, чтобы отдать мой миллиард любовнице!

«Автор»
2026

Шилд А.

Развод с предателем. Ты отправил меня в тюрьму, чтобы отдать мой миллиард любовнице! / А. Шилд — «Автор», 2026

Муж сдал меня полиции как мошенницу, укравшую миллиард. Пока меня увозили в наручниках, рядом с ним стояла беременная любовница. А ведь именно я создала алгоритмы, на которых держалась наша финтех-империя.Денис подделал доказательства, забрал компанию и рассчитывал, что я сгнию в тюрьме.Но он забыл: каждую строчку кода писала я. И у его идеальной аферы есть уязвимость.Чтобы вернуть свободу и своё имя, мне придётся заключить опасную сделку с Артуром Ветровым — следователем, который участвовал в моём аресте.Я уничтожу ложь мужа. Только сумею ли довериться мужчине, который однажды уже надел на меня наручники? И не окажется ли любовь ловушкой?

© Шилд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Камила Левитан, Анна Шилд
Развод с предателем. Ты отправил меня в тюрьму, чтобы отдать мой миллиард любовнице!

Глава 1

В три часа ночи я слышала, как остывающая кофеварка щёлкает на кухне. Денис не возвращался; я ловила каждый звук из прихожей. Пахло остывшим кофе и моим любимым парфюмом — «Амбра», который Денис подарил мне на годовщину запуска первого прототипа. Я лежала на спине, глядя в потолок, и считала свои достижения. Финтех-стартап, который мы построили с нуля, уже оценивался в миллиарды. Я была техническим директором, совладелицей, человеком, чьи алгоритмы двигали деньги через границы быстрее, чем мигание глаза.

Мне было спокойно. Абсолютно, до тошноты спокойно. Потому что я верила в партнерство. В честную игру. В то, что если ты делаешь продукт лучше всех, мир сам разложит тебе по полочкам заслуженное уважение.

Громкий стук в дверь выбил меня из этого сна наяву. Не звонок, не постучать вежливо кулаком — именно глухой, деревянный грохот, от которого задрожали стекла в рамах.

Я села, потирая заспанные глаза. Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле.

— Кто там? — крикнула я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хозяйственно.

Ответа не последовало. Только новый удар, более сильный. Дверь вздрогнула так, будто её пнули сапогом.

— Марина Волкова! Открывайте немедленно! Полиция!

Полиция? Подобие улыбки тронуло мои губы. Ошибка. Кого-то перепутали адресом. Или это какая-то шутка коллег из офиса, решивших проверить мою бдительность после ночного релиза обновления.

Я встала, натянув халат поверх пижамных штанов. Босые ноги коснулись холодного ламината. Ледяной ток пробежал по позвоночнику. Страх был мелким, насекомым, но он уже начал кусать за щиколотки.

— Иду! — крикнула я, направляясь к прихожей. Руки дрожали, когда я тянулась к замку.

Но открывать я не стала. Сначала надо спросить. Сохранить лицо. Честный гражданин не открывает дверь слепо, даже полицейским. Это закон. У меня есть права.

— Предъявите документы! — потребовала я, прижавшись спиной к стене рядом с дверью.

С той стороны послышался сдавленный рык и скрежет металла. Они не собирались показывать корочки через глазок. Они ломались внутрь.

Удар был таким мощным, что петля сверху вылетела из гнезда. Дерево треснуло с сухим щелчком, похожим на сломанную кость. Дверь провалилась внутрь квартиры, повиснув на нижнем креплении. Сквозь образовавшуюся щель в лицо мне ударило светом фонарей и запахом мокрой куртки и дешевого табака.

— Лежать! Руки за голову! Немедленно!

Трое мужчин в черной форме ворвались в гостиную. Один из них держал автомат, направленный в пол, но его пальцы нервно подрагивали на спусковом крючке. Другой, самый крупный, с багровыми пятнами на шее, схватил меня за плечо и рванул вниз.

Я упала на колени. Боль пронзила коленную чашечку. Халат распахнулся, обнажив тонкую футболку. Холодный кафель обжигал кожу ладоней.

— Что вы делаете?! — мой голос сорвался в визг, униженный и тонкий. — Вы врываетесь в дом без постановления…

— Молчать! — рявкнул тот, что с автоматом. Он заломил мою руку за спину. Сустав хрустнул. Я вскрикнула, чувствуя, как боль волной разливается по предплечью. Наручники защелкнулись на запястьях с металлическим лязгом, который показался мне громче всех событий этой ночи.

Меня грубо поставили на ноги и толкнули к дивану. В этот момент в квартиру вошел еще один человек. Он был одет в дорогой серый костюм, идеально отглаженный, несмотря на поздний час. На ногах — туфли, которые стоили больше, чем моя месячная зарплата пять лет назад. Лицо было бледным, осунувшимся, но глаза блестели холодной, расчетливой яростью.

Он достал из внутреннего кармана пиджака сложенную бумагу и развернул её перед моими глазами. Бумага пахла свежей печатью и чернилами.

— Следователь Артур Ветров, прокуратура города, отдел экономических преступлений, — представился он ровным, бархатным басом. Его взгляд скользнул по моему лицу, словно он изучал дефект в механизме. — Вам предъявлено обвинение по части 4 статьи 159 УК РФ: мошенничество в особо крупном размере. Похищение средств клиентов финтех-компании «FinCore» на сумму более одного миллиарда рублей.

Я уставилась на него, пытаясь улыбнуться. Это абсурд. Это смешно.

— Вы ошиблись адресом, — сказала я, стараясь говорить четко, хотя зубы стучали от холода и шока. — Я технический директор. Я создала архитектуру безопасности. Если бы я крала деньги, они бы не исчезли бесследно. Позвольте мне позвонить мужу. Денису. Он подтвердит легитимность всех наших транзакций. Прямо сейчас.

Ветров не ответил сразу. Он медленно убрал бумагу в карман, наблюдая, как два оперативника начинают методично переворачивать мою жизнь вверх тормашками. Подушки с дивана полетели на пол. Книги со стеллажа рассыпались, как дождь. Один из полицейских выдернул из розетки зарядку ноутбука, лежащего на журнальном столике.

— Ваш телефон конфискован как вещественное доказательство, — сказал Ветров, наконец. В его тоне не было ни сочувствия, ни злобы. Только скучная констатация факта. — А ваш муж, господин Ковалев, уже дал показания против вас. Более того, он предоставил следствию видеозаписи, на которых вы лично вводите команды для перевода средств на офшорные счета. Запись сделана вчера вечером, в вашем же кабинете.

Кровь отлила от лица. Мир сузился до точки.

— Врет, — прошептала я. — Он врет. Мы вместе создавали эту систему. Он знает каждый байт кода. Зачем ему это нужно?

— Возможно, чтобы сохранить свою должность CEO, — пожал плечами Ветров. Он подошел ближе, и я почувствовала запах его одеколона — резкого, цитрусового, давящего. — Бизнес есть бизнес, Марина. Иногда партнером приходится жертвовать ради выживания компании. Или ради собственной свободы.

Оперативник, который искал документы в шкафу, вытащил папку с моими рабочими ключами от серверной и доступа к административным панелям. Он демонстративно положил их в свой карман.

— Собственность изъята, — бросил он, не глядя на меня. — Теперь она принадлежит государству. А точнее, тому, кто придет после нас.

Я смотрела на эти ключи. Маленькие, пластиковые брелоки с логотипом компании. Они были частью меня. Они были моей защитой, моим оружием, моей работой. И вот они исчезают в чужом кармане. Меня оттолкнули к стене, когда я попыталась шагнуть вперед. Плечо больно ударилось об обои.

В этот момент из коридора, ведущего в спальню, донеслись шаги. Тихие, размеренные. Он поправлял манжету, и браслет часов тихо звякнул.

Денис. Значит, он вернулся, пока я дремала, и прятался в спальне — даже когда ломали дверь.

Он вышел в гостиную. На нем был тот же темно-синий костюм, в котором он уходил вчера вечером на встречу с инвесторами. Галстук был слегка ослаблен, воротник расстегнут. Он выглядел уставшим, но не подавленным. Наоборот, в его глазах читалось облегчение человека, который наконец сбросил тяжелый рюкзак.

За его спиной стояла Лана. Его бывшая ассистентка, теперь личная секретарша. Она была беременна, примерно на пятом месяце, и держала живот рукой, словно защищая его от взглядов. Ее лицо было маской сострадания, но глаза... глаза Ланы сияли торжеством.

Я рванулась к нему, наручники звякнули за спиной. Уткнулась лбом в его плечо, цепляясь за него, за знакомый запах шерсти и одеколона. Это был последний шанс. Он должен сказать им всем, что это ошибка. Он должен защитить меня. Мы же семья. Мы же партнеры.

— Денис! Скажи им! Скажи, что это подлог! Скажи, что ты знаешь, как работает система! Пожалуйста!

Глава 2

Он посмотрел на мой лоб у своего плеча. Медленно, аккуратно, двумя пальцами взял меня за подбородок и отстранил. Потом достал платок и вытер место на пиджаке, которого я касалась. Жест был настолько уничижительным, что я замерла. Как будто я испачкала его своим стыдом.

Денис поднял глаза. Взгляд был пустым. Холодным. Исследовательским. Так смотрят на лабораторную крысу, которая наконец поймана в ловушку и теперь бесполезна для эксперимента.

— Извини, детка, — произнес он громко, так, чтобы слышали все присутствующие, включая оперативников и Ветрова. Голос его дрогнул лишь на секунду, выдавая фальшь. — Ты была слишком доверчивой. Бизнес есть бизнес.

Фраза повисла в воздухе, тяжелая и липкая, как смола.

«Извини». Не «прости». Не «я помогу». «Извини». Слово, которое используют, когда хотят закрыть вопрос и уйти.

«Бизнес есть бизнес». Оправдание предательства формулой успеха.

Я открыла рот, чтобы крикнуть, но воздуха не хватило. Горло перехватило спазмом. Слезы, горячие и соленые, полились сами собой, размывая картинку. Я видела, как Денис отвернулся, делая шаг назад, в темноту коридора. Лана обошла его, пряча улыбку за волосами.

— Ведите ее, — коротко приказал Ветров.

Меня вывели из квартиры. Через гостиную, где на полу валялись фотографии с нашего свадебного путешествия в Италию. Стекло рамки разбито. Фотография, где мы смеемся, держась за руки на фоне Колизея, лежит в пыли.

В лифте было душно. Запах пота оперативников и моего собственного страха смешивался в удушливый коктейль. Когда двери разъехались, открывая выход на первый этаж, я увидела толпу.

Соседи. Те самые люди, которым я помогала настроить домашние роутеры, которых угощала печеньем на праздниках. Они стояли плотной стеной, вытянув шеи.

Как только я вышла из подъезда, десятки телефонов вспыхнули. Свет бил в глаза, ослепляя. Камеры снимали меня крупным планом. Я видела свое отражение в экранах чужих смартфонов: женщина в растянутом халате, с красными глазами, в наручниках, с поникшей головой. Преступница.

— Так и знала, что она стерва, — донеслось откуда-то сбоку. Женский голос. Пожилая соседка с нашего этажа. Та, которой я починила телевизор бесплатно.

— Миллиарды крала, а живет как нищая, — шептал другой мужчина, сосед сверху.

Я попыталась спрятать лицо, склонив голову ниже, но наручники не давали поднять руки. Стыд жег кожу сильнее мороза. Каждый взгляд был уколом иглы. Каждый щелчок затвора камеры — выстрелом. Общественный суд прошел за десять секунд, пока юридический только начинался.

Меня загнали в заднюю часть «буханки». Дверь захлопнулась с глухим стуком, отсекая шум улицы. Внутри было темно и тесно. Я сидела на жесткой скамейке, прижатая спиной к стенке. Голова качалась на кочках дороги.

Тишина в машине давила на уши. Боль в запястьях пульсировала в ритме сердца. Я закрыла глаза, ожидая, что это закончится. Что я проснусь. Что это кошмар, который скоро рассеется, и я окажусь в своей кровати, рядом с Денисом, который скажет: «Шуточки кончились, пора работать».

Но вместо этого память выдала деталь. Мелочь. Пунктик.

Вчерашний вечер. Ужин. Денис был особенно внимательным. Он спрашивал о новых протоколах шифрования. Он шутил, называя меня «мамой проекта». А потом, когда я пошла в душ, он остался на кухне с ноутбуком.

«Марина, дай пароли от админки для аудита безопасности, — сказал он тогда, проходя мимо двери ванной. — Инвесторы требуют отчет о защите данных. Быстро».

Я дала. Без вопросов. Потому что доверяла. Потому что считала его надежной опорой.

Ледяная ясность разлилась по телу. Это не случайность. Это не «бизнес есть бизнес». Это было подготовлено месяцами. Годом. Он использовал мои же технологии, мои же ключи доступа, чтобы создать виртуальный след преступления. Он выстроил лабиринт, вход в который был завален моим именем, а выход вел к его личной свободе и сохранению активов.

Он не просто предал меня. Он спроектировал мою гибель как системную ошибку, которую нужно исправить. А я была просто багом, который нужно удалить из кода.

Машина остановилась. Двери открылись. Меня вытолкнули на холодный бетон. Над головой нависало серое здание СИЗО. Колючая проволока на стенах мерцала в свете прожекторов.

Меня вели по коридору, сквозь решетки, сквозь камеры наблюдения, сквозь бюрократический ад. Но внутри меня, в самом центре этого хаоса и боли, что-то щелкнуло. Тихо. Окончательно. Как переключатель реле в серверной стойке.

Иллюзия доброты умерла. Доверие сгорело дотла.

Я подняла голову, когда меня заводили в камеру. Сквозь мутное стекло маленького окна я увидела своё отражение. Оно было чужим. Серым. Сломанным. Волосы слиплись, глаза впали, на запястьях следы от наручников.

Но за этим отражением, глубоко внутри, в темном подвале души, зажглась искра. Холодная. Аналитическая. Жестокая.

Я запомнила каждый их шаг. Каждое слово Дениса. Каждую улыбку Ланы. Цинизм Ветрова. Равнодушие соседей.

Боль ушла, оставив после себя только пустоту, готовую заполниться расчетом.

Я больше не та женщина, которую они увезли сегодня утром.

Та Марина Волкова умерла в этой квартире.

А новая родится здесь, на дне, в темноте, среди грязи и предательства.

Я буду считать дни. Секунды. Шаги охранников. Шум труб отопления.

И я сделаю свой первый ход. Когда они будут ждать слез — я дам им огонь.

Когда они будут ждать раскаяния — я дам им войну.

Это не конец. Это начало игры, правила которой напишу я.

Дверь камеры не хлопнула — она врезалась в стену с глухим, металлическим лязгом, от которого у меня заложило уши. Это был звук моего конца. Или начала. Я еще не знала разницы.

Воздух здесь пах чем-то кислым: смесью дешевого мыла, пота и страха. Стены были покрыты плесенью, которая сочилась из швов, как рана. На мне всё ещё была футболка, в которой меня забирали. На халате темнели грязные полосы от пола. Я тёрла запястья: там, где врезались наручники, кожа саднила даже без прикосновения.

— Помыться, — сказала я дежурному офицеру. Голос дрогнул, но я взяла себя за горло, будто пытаясь физически выдавить из себя этот тремор. — Мне нужно переодеться. И вода.

Офицер даже не поднял глаз от монитора. Он щелкнул мышкой, перелистывая чьи-то данные.

— Режим карантина, гражданка. Баня закрыта. Свободных мест нет. Привыкайте к запаху.

Он ткнул пальцем в открытую дверь камеры. Там уже сидели три женщины. Одна курила самокрутку, сделанную из бумаги с салфеток. Вторая спала, свернувшись калачиком на верхней койке. Третья — полная, седая баба лет пятидесяти с лицом, изборожденным глубокими морщинами, — посмотрела на меня так, словно видела живую игрушку.

Я вошла внутрь. Дверь захлопнулась за моей спиной. Звук замка был громче выстрела.

Бабушка тут же соскочила со своей табуретки. Она подошла вплотную, нависая надо мной своим запахом махорки и перегара.

— Статья? — спросила она хрипло. Не «как дела», не «добро пожаловать». Только это слово. Оно висело в воздухе, как приговор.

— Мошенничество, — ответила я тихо.

— Миллионы? — глаза бабушки блеснули жадностью. Она протянула руку. — Телефон отдай. Ну тот, что у тебя отобрали... или нет, карту. Пластик. Отдай.

— У меня ничего нет, — сказала я, отступая назад, пока мои пятки не упёрлись в холодный бетон стены.

— Ври! — рявкнула она. — Ты из этих, из белых воротничков. Все они врут. А деньги есть всегда.

Она попыталась схватить меня за рукав халата. Я резко отдернула руку. Бабушка оскалилась, но вдруг замолчала. Что-то в моем взгляде остановило её. Может, это было не унижение, а пустота. Пустота, в которой уже не осталось места для страха перед такой же пленницей.

Я села на нижнюю койку. Простыня была жесткой, колючей, пахла дезинфекцией до рези в носу. Курившая соседка молча подвинула мне свою пустую картонную папку с несколькими листами и обломком карандаша. Я спрятала их под матрас, потом начала считать трещины на потолке. Одна, две, три... Семь. Они шли от люстры, как лучи солнца. Или как лучи прожекторов, бьющих в лицо. Аналитика спасала меня. Если я буду считать трещины, я не буду думать о том, что Денис сейчас дома. Что он пьет свой утренний кофе из фарфоровой чашки, которую я подарила ему на годовщину. Что он гладит Лану по голове, если она там.

Ночью, когда сон снова уходил, я восстанавливала на этих листах код. Потом провалилась в полудрему. Тело болело так, будто меня катали по гравию. Каждое движение отдавалось болью в пояснице. Но я не стонала. Тишина была моим щитом.

Утро началось с визга тормозов где-то снаружи и топота сапог в коридоре. Проверка. Офицеры вошли в камеру, не постучав. Их было двое. Молодой, с прыщами на лице, и старший, с каменными глазами.

— Личные вещи. Документы. Папку на стол, — приказал старший.

Папка с листами, на которых я по памяти восстанавливала код, лежала под матрасом. Я достала её. Мой код. Тот, который Денис назвал «своим детищем» на презентациях, пока я молча писала архитектуру системы ночами, жертвуя сном и жизнью.

— Открыть, — потребовал следователь. Он не представился. Ему не нужно было имя. Его должность была его именем.

— Без адвоката не открою, — сказала я ровно.

Следователь усмехнулся. Это была неприятная, властная усмешка человека, привыкшего давить муравьев.

— Там могут быть материалы, усугубляющие вашу позицию, гражданка Волкова. Вы хотите получить дополнительный срок за хранение секретных данных без лицензии?

Глава 3

Я посмотрела ему прямо в глаза. Внутри меня что-то щелкнуло. Холодный механизм включился.

— В этой папке только заметки. Инженерные схемы. Если вы их прочтете, вы поймете, что я не мошенница. А если вы подбросите туда что-нибудь сейчас, то станете соучастником фальсификации доказательств. Я знаю процедуры. И я запомню ваше лицо.

Тишина повисла на секунду. Потом следователь забрал папку, но не стал открывать её при мне. Он просто положил её в мешок для вещдоков. Это была маленькая победа. Крошечная, как искра в темноте, но она грела.

Завтрак принесли в алюминиевых мисках. Каши не было. Была водянистая бурда серого цвета и кусок хлеба, твердый, как камень. Я ела медленно, механически, заставляя себя глотать. Голод — это слабость. А слабые умирают первыми.

И тогда я услышала голос.

Гулкий, уверенный, знакомый до боли в зубах. Он шел откуда-то из коридора, за решеткой нашей камеры. Сердце пропустило удар, потом заколотилось так, что стало больно ребрам.

Денис.

Он проходил мимо. Не заглядывал. Просто шел по коридору СИЗО, разговаривая по телефону. Я увидела его профиль через прутья. Он был в идеальном костюме, темно-синем, с тонкой полоской. Волосы уложены. Ни одного волоска не выбилось. Он выглядел так, будто только что вышел из салона красоты, а не из здания суда, где давал показания против меня.

— Денис! — крикнула я. Голос сорвался на визг, жалкий и истеричный. — Денис, посмотри на меня! Где деньги на адвоката? Почему ты не позвонил?!

Он не обернулся. Даже головы не повернул. Его голос продолжал звучать ровно, спокойно, с той бархатной интонацией, под которую я когда-то ложилась в его объятия.

— ...да, Лана, переведи средства на офшор. Всё чисто. Да, активы переоформлены. Нет, проблем не будет.

Для него я была фоном. Шумом. Помехой в сигнале. Он стер меня из реальности, даже не удосужившись посмотреть на мою агонию.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, на саднящей коже. Боль была острой и чистой. Лучше, чем эта тошнотворная бессильная ярость.

День тянулся бесконечно. Солнце пробивалось сквозь узкое окно под потолком, двигая по стенам желтые квадраты света. Я попыталась написать записку родителям. Рука дрожала, карандаш ломался об бумагу. «Мама, папа, я невиновна. Пожалуйста, наймите адвоката. Любого».

Когда надзиратель пришёл с обходом, я протянула ему смятый листок.

— Передайте им. Пожалуйста.

Надзиратель взял записку, пробежал глазами и фыркнул.

— Родители? Муж уже выставил твою квартиру на продажу, детка. Родителям твоим звонил. Сказал, что ты в бегах и не хочешь их видеть. Чтобы не волновали.

Мир рухнул второй раз. Прямо здесь, на жесткой койке.

Квартира. Наш дом. Место, где я чувствовала себя защищенной. Уже выставлено на продажу. Пока я гнила в клетке, Денис превращал нашу жизнь в ликвидацию активов. Он изолировал меня. Вырезал корни. Оставил одну в вакууме.

Я выхватила записку обратно. Порвала её на мелкие клочки. Каждый кусочек бумаги был словом, которое я больше никогда не произнесу вслух. Я засунула обрывки под матрас, в углубление между каркасом и стенкой. Там, где никто не станет искать. Это было мое первое тайное убежище.

Вечер принес шторм внутри меня.

Теснота камеры стала физической тяжестью. Воздуха не хватало. Халат пропитался потом и махоркой. Я оттянула ворот от шеи, но легче не стало. Сердце начало колотиться быстрее, ритм сбился. Легкие сжимались, как кулаки.

Паническая атака.

Я сползла с койки на пол. Холодный линолеум впивался в колени. Перед глазами поплыли черные пятна. Я задыхалась, ловила ртом воздух, но он не шел. Тело предавало меня. Слабость разливалась по венам, как яд. Хотелось лечь и не вставать. Просто уснуть и проснуться там, где нет ни решетки, ни Дениса, ни этого запаха.

Нет.

Я закрыла глаза. Вспомнила алгоритм. Тот самый модуль стабилизации дыхания, который я написала для нашего фитнес-приложения три года назад. «Вдох на четыре счета. Задержка на семь. Выдох на восемь».

Вдох. Раз. Два. Три. Четыре.

Задерживаю дыхание. Один... два... три... четыре... пять... шесть... семь.

Выдыхаю. Один... два... три... четыре... пять... шесть... семь... восемь.

Повторяю.

Еще раз.

Еще.

Черные пятна отступили. Сердце замедлилось. Пот стекал по спине, но тело снова принадлежало мне. Я использовала своё же оружие против хаоса. Холодный расчет победил панику. Я встала. Ноги дрожали, но я стояла.

Дверь открылась снова. На этот раз без стука.

В камеру завели девушку. Ей было лет двадцать. Хрупкая, с огромными испуганными глазами и растрепанными светлыми волосами. Она плакала навзрыд, всхлипывая, как ребенок.

— За что вас? — спросила она, опускаясь на соседнюю койку. Голос у неё был тонкий, сломанный. — За деньги? Вы тоже украли?

Социальное клеймо. «Мошенница». «Воровка». Эти слова били сильнее физического удара. Они стирали личность, оставляя только функцию преступления.

Я посмотрела на неё. Впервые с ареста я почувствовала боль и презрение. Презрение к системе, которая лепила таких, как мы, и презрение к собственной слабости, которую я едва не проявила минуту назад.

— Не за деньги, — сказала я четко, холодно, глядя ей прямо в глаза. — За то, что поверила человеку, который меня купил.

Девушка замерла, прекратив всхлипывать. Она смотрела на меня с недоумением, пытаясь понять смысл этих слов.

И в этот момент дверь распахнулась полностью.

На пороге стоял мужчина. Высокий, в строгом черном пальто, несмотря на духоту. Лицо резкое, скулы острые, глаза темные, как уголь. Артур Ветров. Следователь по экономическим преступлениям. Тот, кто вёл дело против меня с самого начала.

Он не смотрел на девушку. Он смотрел только на меня. В его взгляде не было ни жалости, ни вражды. Только оценивающий интерес хищника, изучающего новую добычу.

Он вошел в камеру, игнорируя конвойного за дверью. Поднял со стола папку с моими вещами, которую вернули после проверки, и вытащил из внутреннего кармана маленькую флешку. Серебристый корпус блестел в тусклом свете лампы.

Он бросил флешку на стол передо мной. Она зазвенела о металл, отчетливо и ясно.

— У тебя есть два часа, чтобы решить, кто ты, — сказал Артур. Его голос был низким, бархатным, но в нем слышался металл. — Жертва или партнер.

Он сделал шаг ближе. Я почувствовала запах его одеколона: кедр и что-то еще, тяжелое, мужское.

— Денис думает, что ты сломалась, Марина, — добавил он, наклоняясь чуть ниже, так, чтобы слышала только я. — Докажи ему обратное.

Артур развернулся и вышел. Дверь захлопнулась.

Я осталась одна с девушкой, которая снова начала тихонько всхлипывать, и с флешкой на столе.

Флешка лежала на холодном металле, отражая тусклую лампу. На ней была наклейка с логотипом компании Дениса. Знакомым до боли, нарисованным мной, присвоенным Денисом.

Если бы я вставила её в компьютер, я бы увидела либо доказательства своей вины, либо ключ к его уничтожению. И я знала: если я выберу второе, я стану такой же, как они. Холодной. Расчётливой. Опасной.

Но выбора у меня больше не было.

Глава 4

В камере пахло мокрой штукатуркой и чужим страхом. Я сидела на жестком табурете, вцепившись пальцами в холодный металл, пока адвокат по назначению — толстый мужчина с потными ладонями и глазами барана — бубнил про «смягчающие обстоятельства». Его голос гудел в ушах как сломанный холодильник.

— Признание вины, Марина Сергеевна, — он перекладывал бумаги, не глядя на меня. — Условный срок. Вы сохраните лицо. Родители ваши не сойдут с ума от позора. Денис Валентинович уже все устроил. Он просит передать вам... заботу.

Забота. От человека, который только что отправил меня за решетку ради миллиарда рублей.

Я подняла голову. В горле стоял ком из стекла и крови.

— Нет.

Адвокат замер, его жирная щека дернулась.

— Простите?

— Я не признаю вину. И я не вернусь к нему. Ни за что. Даже если вы сейчас достанете пистолет и приставите мне к виску. Денис хочет, чтобы я молчала о коде. А я буду говорить до последнего вздоха.

Он хмыкнул, собирая папку. В его глазах читалось презрение: маленькая букашка, думающая, что может кусать дракона. Но именно этот взгляд зажег во мне искру. Ловушка захлопнулась, но я видела её механизм.

Дверь открылась без стука. Тишина стала оглушительной.

Вошел Артур Ветров. Следователь. Человек, о котором шептались даже в коридорах прокуратуры. Высокий, в идеально скроенном костюме цвета графита, который здесь, среди серых стен СИЗО, выглядел оскорбительно дорогим. Он не представился. Не сел. Просто обошел стол, остановился напротив и начал рассматривать меня так, как оценивают товар перед списанием.

— Плохая стрижка, — произнес он тихо. Голос был низким, бархатным и опасным. — И поза жертвы. Это плохо работает для суда, Марина. Денис уже переписал историю. Ты теперь не бизнесвумен, а одержимая фанатичка, которая пыталась шантажировать мужа. Психиатрическая экспертиза подтвердит это через час.

Меня затрясло. Ярость ударила в голову горячей волной.

— Подлог! — крикнула я, срывая связки. — Документы подделаны! Ключи доступа были у него! Вы знаете это! Вы видите цифры, вы понимаете архитектуру! Почему вы молчите?!

Артур слушал мой крик равнодушно. Его лицо оставалось каменной маской. Он ждал, пока я выдохнусь, пока в глазах не останутся только пустые белки. Когда тишина снова заполнила комнату, он наконец моргнул.

— Крик — это эмоция, Марина. А эмоции бесполезны. Мне нужны факты. Или доступ.

Он положил на стол тонкую папку. Не открывая, он сдвинул её ко мне кончиком пальца.

— Фотографии. Лана, бывшая ассистентка Дениса. И мальчик. Лет семи. Твой муж любит детей, но официально их у него нет. Этот ребенок — результат связи, которую Денис скрывал годами. Инвесторы узнают об этом — и акции рухнут. Но я не могу использовать эти материалы официально. Слишком много людей хотят сохранить статус-кво.

Я посмотрела на папку, потом на него. Холодный расчет заменил панику.

— Что вам нужно?

— Твои старые админские ключи. Те, которые ты держала в голове, потому что боялась потерять контроль над своим детищем. Доступ к внутреннему серверу «FinCore». Мне нужно

вытащить логи переписок и транзакций за последний год. Доказательства того, что Денис не просто украл код, а отмывал деньги через твою компанию.

Это было незаконно. Взлом корпоративных данных — это статья, от которой не спасает даже условное освобождение. Если я дам ему ключи, я стану соучастницей преступления против собственной компании. Я предавала себя саму.

— Вы хотите, чтобы я стала грязной рукой следствия, — прошептала я.

— Я хочу, чтобы ты вышла отсюда живой, — поправил он. — Остальное — детали.

Я начала торговаться. Гордость требовала гарантий.

— Мои родители. Их безопасность. После этого дела Денис доберется до них. Мне нужна защита. Постоянная.

Артур усмехнулся. Это была страшная улыбка, обнажающая зубы хищника.

— Гарантии дают только мертвые, Марина. Они больше не могут предать. Живые всегда найдут способ тебя подставить. Выбирай: либо ты работаешь на меня сейчас, получая свободу под моим контролем, либо завтра тебя переводят в колонию строгого режима по новому обвинению — организация экстремистской ячейки. Дело уже на столе у судьи. Решай.

Страх за маму с папой перекрыл всё остальное. Папа болел сердцем. Мама не пережила бы новостей.

— Хорошо, — выдохнула я. Слова давались с трудом, словно глотала битое стекло. — Но я запомню каждое ваше слово, Артур.

— Запоминай. Полезно.

Он протянул планшет. Экран светился синим, контрастируя с грязью камеры. Конвойный охранник вышел за дверь, оставляя нас наедине. Руки мои дрожали так сильно, что пальцы скользили по стеклу.

— Введи код.

Я закрыла глаза. Перед мысленным взором всплыла строка пароля. Но мозг блокировал информацию, перегруженный стрессом. Цифры рассыпались, буквы путались.

— Не получается, — прошептала я.

— Быстрее, — голос Артура стал тверже. В нем появились нотки угрозы. — У меня нет времени на твои истерики. Если не вспомнишь сейчас, вспомнишь позже. На зоне. Там методы эффективнее.

Я почувствовала физическое давление, запах его дорогого парфюма смешивался с запахом страха. Вспомнила детство. Панические атаки после развода родителей. Мать учила меня: «Считай шаги, Маринка. Почувствуй ритм».

Я перестала думать о цифрах. Я сосредоточилась на движении пальцев. Клик. Клик. Пробел. Ритм клавиатуры старого ноутбука в моей первой квартире. Звук дождя за окном. Теплый чай в кружке.

Пальцы сами нашли нужные буквы. Код прошел.

Экран мигнул зеленым.

Артур забрал планшет мгновенно, даже не поблагодарив. Он повернулся к двери, где уже ждал секретарь с ходатайством.

— Сделка закрыта. Ты свободна под подписку о невыезде, с обязательством не разглашать данные следствия. И с ежедневным контролем. Ни слова журналистам. Ни шага в сторону бывших коллег. При любом звонке — являешься. Даже ночью.

Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах не было ни капли человеческой теплоты. Только удовлетворение охотника, загнавшего добычу в угол.

— Иди, — бросил он, указывая на дверь.

Выход из СИЗО не похож на киношный триумф. Это было унижение. Меня выдали через служебный вход, в мешковатой одежде, с сумкой вещей, которые казались чужими. На пороге меня ждал не адвокат, а крупный мужчина в черной куртке. Частный охранник.

Он молча сунул мне пакет. Внутри лежала новая куртка, джинсы и телефон.

— Машина ждет, — сказал он коротко.

Я села в такси. Двигатель зарычал, и город поплыл за стеклом, серый и равнодушный. Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от неизвестного номера: «Денис узнал о твоём выходе. У тебя есть 2 часа, чтобы исчезнуть. Или умереть».

Я подняла глаза на зеркало заднего вида. В отражении виднелась черная иномарка, идущая следом. Внутри, за тонированным стеклом, можно было различить силуэт Артура. Он наблюдал. Не вмешивался. Он дал мне поводок и смотрел, как я дергаюсь на конце.

Игра началась. Правила диктовал он. Я была снаружи стен, но внутри капкана.

Телефон в кармане куртки завибрировал снова. Не сообщение. Звонок. Имя на экране: «Мама». Я взяла трубку, ожидая слез и вопросов. Вместо этого услышала щелчок и голос Дениса, искаженный программой: «Марина, ты сделала ошибку. Теперь ты моя собственность. Приезжай домой. Одна. Или я найду тех, кто тебе дорог».

Экран погас. Темнота за стеклом такси отражала мое бледное лицо.

Глава 5

Холл бизнес-центра пах дорогим кофе и стерильной чистотой. Я сжала в кулаке пачку наличных, которые Артур выдал мне как «оперативные расходы», и почувствовала, как ладонь вспотела. Риелтор, молодой парень с идеальной укладкой, сканировал меня взглядом поверх монитора ноутбука. Его глаза скользнули по моему лицу, задержались на секунду дольше положенного, а затем метнулись к экрану телефона, где открылась новостная лента: «Бывший финтех-директор обвиняется в мошенничестве».

— У нас нет свободных квартир такого класса, — сказал он ровно, не поднимая глаз. — И вообще, мы не работаем с клиентами из списка рисков. Это репутационный ущерб.

Мои пальцы побелели от усилия. Я молча убрала деньги в карман куртки, развернулась и вышла. В лифте, глядя на своё отражение в хромированных дверях, я видела не человека, а клеймо. Кожа горела от чужих взглядов, будто каждый прохожий на улице уже знал мою фамилию и грехи.

Я не поехала искать дальше. Вместо этого я набрала номер тети Гали, старой знакомой матери. Она держала пустующий подвал в частном секторе, который боялась сдавать официально из-за налогов. По её словам, там было сыро, пахло плесенью и старыми картошками, но там меня никто не искал. Это был шаг назад в социальном статусе, но шаг вперед в безопасности.

Ключ скрипнул в замке двери кухни матери. Я вошла тихо, надеясь проскочить незамеченной, но она сидела за столом, уставившись в одну точку. На столе лежал телефон, вибрирующий без остановки. Мать подняла голову. Её глаза были красными, опухшими от бессонницы и слез.

— Уходи! — крикнула она, вскакивая со стула так резко, что тот опрокинулся. — Они звонят мне каждый час! Журналисты, коллекторы, полиция! Ты разрушила всё! Выметайся из моего дома, пока они не начали давить на семью!

Я не стала спорить. Не стала оправдываться или объяснять, что у меня больше нет денег на отель. Просто поставила сумку в угол, где стояли старые коробки с архивами компании, которые мать хранила «на всякий случай» ещё до ареста. Села прямо на холодный кафель пола и начала перебирать бумажные документы. Шуршание старых бумаг заполнило кухню.

Мать замерла. Её крик оборвался на полуслове. Она смотрела на мои руки, спокойно листающие акты сверок десятилетней давности, и в её глазах читался не гнев, а страх перед моим молчанием. Тишина пугала сильнее истерики. Она медленно села обратно, дрожащими руками налила чай и поставила кружку рядом со мной. Пар от чая щипал нос, запах бергамота перебил пыль от коробок. Я не пила. Я работала. Пока мир думал, что я сломлена, я строила фундамент мести.

В подвале тёти Гали, куда я вернулась с архивами, телефон, выданный после освобождения, коротко завибрировал. Сообщение от неизвестного номера: «Денис знает, где ты ночуешь. У тебя есть два часа».

Сердце пропустило удар. Пальцы зависли над экраном. Ловушка? Предупреждение от анонима? Я включила режим анализа данных, привычка, оставшаяся от работы в IT. Номер отправителя был знаком: его я видела в заявках охранной фирмы, которая обслуживала офис Дениса. Проверка реакции? Если я побежу — их люди увидят панику и подтвердят местоположение. Если останусь — они придут сами, чтобы убедиться.

Я удалила сообщение. Палец сам потянулся к контакту «Ветров». Написала сухо: «Меня нашли. Но не так, как они думают. Мне нужен доступ к их внутренним чатам. Прямо сейчас». Отправка. Риск стал инструментом давления. Я превратила свою уязвимость в оружие против следователя.

Через двадцать минут дверь подвала распахнулась. Артур Ветров вошел первым, за ним оперативник в черной куртке. Подвал показался им слишком тесным, слишком бедным для игрока такого уровня. Оперативник грубо осмотрел углы, проверил окна, словно проводил обыск, игнорируя присутствие хозяйки дома.

Артур прислонился к стене, скрестив руки на груди. Его костюм стоил дороже всего имущества моей матери. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его серых глазах не было ни жалости, ни злости. Только скука хищника, которому надоела добыча.

— Сделка пересматривается, — произнес он низким голосом, от которого у меня перехватило дыхание. — У тебя есть 48 часов. Принеси конкретную улику против Ланы. Доказательство подлога документов, видео с признанием, любой цифровой след. Если не принесешь — я добьюсь отмены подписки о невыезде. Вернешься в СИЗО за нарушение режима сотрудничества.

Я посмотрела ему в лицо. Я поняла тогда впервые, что он не спаситель. Он новый хозяин клетки. Для него моя жизнь — разменная монета в его личной войне. Я кивнула, пряча дрожь в руках за спину.

— Хорошо, — сказала я.

Когда они ушли, тётя Галя принесла старый ноутбук, оставшийся от её сына. Мой изъяли при обыске; этот хотя бы включался. Я поставила его на стол. Нужно было проникнуть в цифровую экосистему офиса Дениса. Раньше у меня был полный админский доступ, но после ареста все ключи были отозваны. Я попыталась войти через старый API-ключ, который рассчитывала использовать после обыска. Система выбросила ошибку: Authorization Failed. Biometric Verification Required.

Биометрия. Денис всегда использовал мой отпечаток пальца для авторизации критических операций, потому что сам ленился вводить пароль. Моё тело всё ещё являлось ключом к его тайнам, даже если оно теперь принадлежало государству. Но физически пробраться в офис было самоубийством.

Я вспомнила про Кирилла. Бывшего системного администратора, которого Денис выгнал месяц назад в ходе «чистки» кадров. Кирилл остался без работы и с долгом за ипотеку. Отчаяние сильнее страха. Я позвонила на его личный номер, который сохранила в блокноте.

— Кирилл, это Марина, — начала я без предисловий. — Мне нужно обойти защиту серверов «Финтеха». Не навсегда, на десять минут.

Тишина на том конце провода длилась вечность.

— Ты с ума сошла? — шепнул он. — Денис убьет нас обоих.

— Он уже пытается, — ответила я холодно. — Я дам тебе долю в новом стартапе. Реальную, юридически оформленную. Когда я верну то, что украдено, ты будешь вторым человеком в компании.

Его дыхание сбилось. Жадность и обида победили страх.

— Пришли код доступа к терминалу в соседнем ТЦ, третья кофейня, — сказал он. — Но сначала докажи, что он ворует. Я хочу видеть это своими глазами.

Я написала скрипт, используя фрагменты кода, которые Денис присвоил себе, добавив свои комментарии в шапку файлов. Код пах моими бессонными ночами, моей кровью и потом. Я отправила скриншот сравнения версий.

Кирилл ответил быстро: «Готово. Канал открыт».

Я подключилась. Экран ноутбука озарил подвал синеватым светом. Вместо данных о Лане система выбросила на экран файл с пометкой: «Черновик иска к Ветрову А.В. (Проект)».

Сердце гулко ударило в ребра. Денис готовил удар не только по мне. Он копал землю под самого следователя.

Я немедленно отправила этот файл Артуру. Ожидая триумфа, я ждала благодарности. Вместо этого телефон зазвонил сразу. Голос Артура был стальным, без ноток удовлетворения.

— Это старая запись, Марина, — процедили в трубку. — Ему нужна была реакция. Ты только что подтвердила, что у тебя есть доступ к его закрытым архивам. Теперь он знает, что ты не просто жертва, а взломщик. Он усилит охрану. И главное — он поймет, что я использую тебя.

Холодок пробежал по спине. Я сделала ход, но просчитала его неверно. Артур не был доволен. Моя поспешность раскрыла его метод работы, сделала его уязвимым.

— Почему он атакует именно тебя? — спросила я, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

Пауза. Тяжелая, густая тишина.

— Потому что я сын человека, которого Денис «подставил» десять лет назад, — голос Артура стал тихим, почти интимным, от чего стало еще страшнее. — Файл «Иск к Ветрову» — это не блеф. Это реальная попытка шантажа, основанная на знании прошлого. Я не просто следователь, Марина. Я часть этой игры. И ты тоже. Ты между двумя людьми, движимыми местью. Ни один из нас не будет жалеть тебя ради справедливости. Мы будем использовать тебя, чтобы выжить самим.

Я повесила трубку. Руки дрожали. Я думала, что беру инструмент в руки, а оказалось, что сама стала механизмом возмездия.

Экран ноутбука моргнул. Новое уведомление из чата охранной фирмы, к которому я только что получила доступ:

«Выезд по заявке Дениса Ковалева. Адрес: дом матери Марины Волковой. Прибытие: 5 минут назад».

Я замерла. Кто-то был у дома матери, пока я сидела здесь, в подвале. Или кто-то только что вышел оттуда.

На экране телефона высветился входящий вызов от неизвестного номера.

Глава 6

Я ответила на незнакомый вызов. Это была мать, она звонила с чужого телефона: люди у её дома показывали фотографию и спрашивали, не приехала ли я. Она не впустила их. Я передала Артуру номер охранной машины, но утром он велел ждать — и не дал ничего, на что можно было жить.

Коробка была тяжелой. Не в том смысле, что внутри лежали кирпичи, а в том, что каждый грамм этого чертового золота давил на мои плечи, словно физическое воплощение моего прошлого. Patek Philippe Nautilus. Синий циферблат. Золотой браслет. Денис купил их себе на годовщину нашей «любви», когда я уже спала с ним три года, но он все еще считал нужным демонстрировать щедрость перед инвесторами. Теперь они лежали передо мной в коробке, как осколки разбитого зеркала.

Я припарковалась у ломбарда «Время». Витрина сверкала так, будто там не торгуют чужими бедами, а продают мечты. Я поправила прическу — жест привычки, который теперь казался жалким. Мои волосы были тусклыми, кожа серой от недосыпа и СИЗО. Но часы... Часы блестели безупречно. Это было единственное, что осталось мне честно. Или почти честно.

Дверь открылась со звонким щелчком. Внутри пахло кожей, дорогим парфюмом и стерильностью больницы. Администратор, молодой парень с идеальной стрижкой и взглядом человека, который видит в клиентах только баркод для сканера, поднял глаза.

— Добрый день, — голос дрогнул, но я заставила себя улыбнуться. Дежурная улыбка жены успешного CEO, которую я отрабатывала годами.

Его взгляд скользнул по моему лицу, затем вниз, на коробку, потом снова на лицо. Пауза затянулась. Он узнал меня. Не по имени, нет. По фотографиям в желтых таблоидах: «Жена миллиардера-мошенника», «Секретарша или сообщница?», «Как Марина Волкова предала мужа».

— Чем могу помочь? — спросил он сухо, откидываясь назад. Тон изменился. Исчезла светская любезность. Появился холодный расчет торговца, который чувствует запах крови.

— Хочу продать эти часы, — я положила коробку на стойку. Бархат внутри был темно-синим, как небо над нашим дачным участком, где мы когда-то пили шампанское.

Он даже не тронул коробку.

— Мы принимаем товар только через верификацию личности и происхождения средств. А вы... — он запнулся, выбирая слово, которое ранит сильнее всего. — Вы фигурируете в уголовном деле. Нам невыгодно связываться с рисками.

— Там нет рисков. Это личное имущество, оставленное в сейфе до ареста. У меня есть опись.

Администратор усмехнулся. Эта усмешка была похожа на плевок.

— Опись ничего не значит, если следователь считает иначе. Знаете что? Есть канал. Быстрый. Комиссия семьдесят процентов. Без лишних вопросов. Но деньги получите сразу.

Семьдесят процентов. Из пяти миллионов — полтора. Нет, из реальных денег, которые мне могут дать сейчас, это будет копейки. Но альтернативы не было. Артур Ветров выдавал деньги только на «оперативные расходы», требуя полной самоотдачи. А я голодала. Буквально. Мой желудок сводило судорогами, стоило вспомнить о завтраке.

— Хорошо, — прошептала я. Гордость умерла здесь же, на полированной столешнице.

Пока администратор куда-то звонил, я отошла в зону ожидания. Мягкое кресло обволакивало меня, но комфорт не возвращался. Напротив сидела женщина в меховом жилете, листая журнал. Светлана. Жена того инвестора, Глеба, которого Денис «подставил» вместе с остальными. Мы обедали вместе месяц назад. Тогда она смеялась моим шуткам, гладила меня по руке и говорила, что я «святая женщина, терпящая такого амбициозного мужа».

Теперь она подняла глаза. Взгляд пронзил меня, как ледяная игла. Она не отвернулась. Она сделала хуже. Она достала телефон, демонстративно начала печатать сообщение, комментируя вслух, громко, для всех присутствующих:

— Представляешь, Лера, я видела её сегодня. Ту самую, жену Дениса. Сидит тут, пытается сдать часы. Как будто это изменит что-то. Из-за таких, как она, мой муж теперь должен банку квартиру. Она ещё смеет сюда приходить?

Мои пальцы сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль была приятной. Она заглушала стыд. Я не оправдывалась. Не объясняла, что я жертва, а не соучастник. Они не хотели слушать. Им нужно было виноватое лицо, чтобы легализовать свою собственную потерю. Я встала, взяла сумку и ушла в дальний угол, к стене, где стояла ваза с искусственными орхидеями. Слёзы жгли веки, но я не дала им упасть. Здесь нельзя плакать. На плачущих женщин смотрят сверху вниз.

Вышел мастер. Старый, с мутными глазами и руками ювелира. Он вскрыл коробку, осмотрел механизм через лупу. Долгая пауза. Я слышала, как тикают другие часы на витрине. Каждый тик — удар молотка по моей голове.

— Механизм поврежден, — сказал он монотонно, не поднимая глаз. — Загрязнение масла, износ баланса. Ремонт дорогой. Цена ниже рынка. Пятьдесят тысяч.

Пятьдесят. Вместо пяти миллионов. Это была ложь. Я знала эти часы лучше, чем своё тело. Я видела, как Денис надевал их каждое утро. Они были исправны. Идеальны. Но спорить было некому. Экспертиза стоила денег, которых у меня не было. Юрист тоже стоил денег.

— Берите предоплату десять тысяч, — предложил мастер, заметив мою бледность. — Остальное после проверки документов.

Десять тысяч. На еду, на бензин, на оплату штрафов за просроченную страховку арендованной машины. Я согласилась. Подписала бумаги, чувствуя, как рукава пиджака (единственная вещь, которая осталась чистой) кажутся чужими.

Когда я вышла на парковку, солнце било в глаза. Мир стал плоским, серым. Я села в свою старую «Киа Рио», взятую в аренду на последние сбережения, и закрыла глаза. Тишина салона была обманчивой. Телефон завибрировал. Номер Артура.

Я ответила, не здороваясь. Просто дышала.

— Ты продала часы, — его голос был ровным, как скальпель. Не вопрос. Констатация факта.

— Откуда ты...

— Я знаю, где ты была, Марина. И знаю, что ты сделала. Это было глупо. Очень глупо.

— Мне нужны были деньги, — огрызнулась я, заводя мотор. — Чтобы жить. Чтобы не быть твоей марионеткой.

Тишина на линии длилась секунду. Потом Артур сказал то, от чего кровь застыла в жилах:

— Теперь Денис знает, что у тебя есть активы. Он послал людей забрать их обратно. Или тебя. Смотри в зеркало заднего вида. Слева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.